

ДЕЛО «АЛЛЕНЕ ДЕ РИБЕМОМ (ALLENET DE RIBEMONT) против ФРАНЦИИ»

Постановление суда от 10 февраля 1995 г.

В деле “Аллене де Рибемон (Allet de Ribemont) против Франции”,

Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”) и соответствующими положениями Регламента Суда А, в виде Палаты, составленной из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, Председатель,

г-н Ф. Гелчюкю,

г-н Л. -Е. Петтити,

г-н Я. Де Мейер,

г-н И. Фойгель,

г-н А. Н. Луазу,

г-н Ж. М. Моренилья,

г-н Г. Мифсуд Бонничи,

г-н Б. Репик,

а также г-н Х. Петцольд, исполняющий обязанности секретаря,

Проведя 27 октября 1994 г. и 23 января 1995 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее постановление, которое было принято 23 января 1995 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) 21 января 1994 г., в течение трехмесячного срока, предусмотренного статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции. Оно было возбуждено по жалобе (№ 15175/89) против Французской Республики, поданной в Комиссию 24 мая 1989 г. французским подданным, г-ном Патриком Аллене де Рибемомом, в соответствии со статьей 25.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Франция признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Предметом запроса было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 6 п. 1, 2 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со статьей 33 п. 3 (d) Регламента Суда А, заявитель сообщил о своем желании принять участие в судебном разбирательстве и назначил адвоката, который представлял бы его в этом разбирательстве (статья 30).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Л. -Е. Петтити как избранный судья французской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Рисдал как Председатель Суда (статья 21 п. 3). 28 января 1994 г. в присутствии секретаря, Председатель путем жеребьевки назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Ф. Гелчюкю, г-на Я. Де Мейера, г-на И. Фойгеля, г-на А. Н. Луазу, г-на Ж. М. Моренилья, г-на Г. Мифсуда Бонничи и г-на Б. Репика (статья 43 в заключении Конвенции и статья 21 п. 4 Регламента).

4. В качестве Председателя Палаты (статья 21 п. 5 Регламента), г-н Рисдал, действуя через секретаря, провел с представителем Французского правительства (“Правительством”), адвокатом заявителя и представителем Комиссии консультации по вопросам организации судебных слушаний (статьи 37 п. 1 и 38 Регламента). 6 апреля 1994 г. Комиссия передала различные документы, запрошенные секретарем по указанию Председателя, в том числе представленную Правительством аудиовидеозапись с фрагментами телевизионных новостных программ. По получении соответствующих предписаний, заявитель и Правительство подали в судебную канцелярию свои письменные соображения и замечания 15 и 26 мая 1994 г., соответственно. 19 июля Секретарь Комиссии попросил Представителя Комиссии представить свои соображения на слушаниях.

5. В соответствии с решением Председателя, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 24 октября 1994 г. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(а) со стороны Правительства —

г-жа Е. Бейяр, заместитель директора департамента по правовым вопросам, Министерство иностранных дел, Представитель,

г-н И. Шарпентье, начальник отдела прав человека, департамент по правовым вопросам, Министерство иностранных дел,

г-жа М. Паути, начальник управления сравнительного и международного права, департамент прав человека, Министерство внутренних дел,

г-н Ф. Пион, магистрат, прикомандированный к отделу европейских и международных дел, Министерство юстиции Советники;

(b) со стороны Комиссии —

г-н Ж.-С. Суайе, Представитель;

(c) со стороны заявителя —

г-н Ж. де Гранкур, адвокат,

г-н Р. де Жефр де ла Прадель, адвокат, Советники.

Суд выслушал выступления г-на Бейяра, г-на Суайе и г-на де Гранкура.

6. В письме, полученном канцелярией 29 ноября 1994 г., Правительство разъяснило ряд моментов, касающихся вышеупомянутой аудиовидеозаписи.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

7. Г-н Патрик Аллене де Рибемон является секретарем компании. В настоящее время он проживает в Лямонжуа (Лот-э-Гаронн).

А. Основные факты

8. 24 декабря 1976 г. перед домом, в котором проживал заявитель, был убит г-н Жан де Брольи — депутат Парламента (от департамента Эвре) и бывший министр. Убитый возвращался со встречи со своим финансовым советником, г-ном Пьером Де Варга, который проживал в том же здании и вместе с которым заявитель намеревался стать собственником парижского ресторана “Харчевня Королевы Гусиные лапки”. Это

приобретение стало возможным благодаря займу, полученному жертвой убийства. Он передал сумму займа заявителю, который должен был впоследствии погасить заем.

9. Было начато судебное следствие по факту совершения неизвестным лицом или лицами преднамеренного убийства. 27 и 28 декабря 1976 г. уголовной полицией Главного управления Парижской полиции был арестован ряд лиц, в том числе финансовый советник убитого. 29 декабря ей же был арестован г-н Аллене де Рибемон.

В. Пресс-конференция 29 декабря 1976 г. и обвинения в адрес заявителя

10. 29 декабря 1976 г. на пресс-конференции, посвященной вопросам бюджета французской полиции на предстоящие годы, министр внутренних дел Франции г-н Мишель Понятовски совместно с директором отдела расследований г-ном Жаном Дюкре и директором уголовной полиции, комиссаром г-ном Пьером Оттавиоли, упомянули о проводящемся расследовании.

11. Два канала французского телевидения сообщили об этой пресс-конференции в своих выпусках новостей. Ниже приводится текст соответствующих репортажей:

“Новости канала TF1 (первого канала французского телевидения)

Г-н Роже Жикель, диктор: ... Вот какие объяснения обстоятельств дела де Брольи были даны общественности на проведенной вчера г-ном Мишелем Понятовски пресс-конференции.

Г-н Понятовски: Все преступники пойманы. После ареста г-на Де Варга-Хирша мы задержали всех лиц, вовлеченных в совершение данного преступления. Это очень простое дело. Банковский заем, взятый под гарантию г-на де Брольи, должны были погасить г-н Де Варга-Хирш и г-н де Рибемон.

Журналист: Комиссар, а кто является ключевой фигурой в данном деле? Де Варга?

Г-н Оттавиоли: Я думаю, да. Г-н Де Варга.

Г-н Дюкре: Зачинщиками убийства были г-н Де Варга и его прислужник, г-н де Рибемон. Организатором был сержант полиции Симоне, а убийцей — г-н Фрэнш.

Г-н Жикель: Как видите, в этих высказываниях содержится ряд утверждений. Поэтому полиция подверглась теперь критике со стороны чиновников Министерства юстиции. Хотя комиссар Оттавиоли и г-н Дюкре были осторожны при... (конец записи).

Новости канала “Antenne 2”

Г-н Даниэль Билалян, диктор: ... Таким образом, сегодня вечером дело было распутано. Стало известно имя убийцы и мотивы, по которым он совершил преступление.

Г-н Дюкре: Организатором был сержант полиции Симоне, а убийцей — г-н Фрэш.

Г-н Оттавиоли: Это верно. Я могу ... [неразборчиво] факты для вас, сказав, что дело стало результатом финансового соглашения между жертвой преступления, г-ном де Брольи, и господами Аллене де Рибемон и Варга.

Г-н Понятовски: Это очень простое дело. Банковский заем, взятый под гарантию г-на де Брольи, должны были погасить г-н Де Варга-Хирш и г-н де Рибемон.

Журналист: Комиссар, а кто был ключевой фигурой в данном деле? Де Варга?

Г-н Оттавиоли: Я думаю, да. Г-н Де Варга.

Г-н Жан-Франсуа Лучиани, журналист: Поручительством по займу послужил полученный Жаном де Брольи полис страхования жизни на сумму 400 000 000 старых франков. В случае его смерти, страховая сумма должна была быть выплачена Пьеру Де Варга-Хиршу и Аллене де Рибемону. Расследование удалось сдвинуть с мертвой точки прошлой ночью, когда первым раскололся офицер полиции Ги Симоне. Он сознался, что именно он организовал убийство и предоставил пистолет для убийства члена парламента. Кроме того, он нанял наемного убийцу, Жерарда Фрэша, которому он предложил 3 000 000 старых франков и который в свою очередь нашел себе двух помощников. Причинами их разоблачения послужили: во-первых, тот факт, что в дневнике Жана де Брольи было обнаружено имя Симоне; и во-вторых, то, что они убили его перед домом № 2 по улице де Дарданелл. Это не было запланировано. По-видимому, было задумано увезти его в какое-либо иное место, однако Жан де Брольи отказался последовать за убийцей. Во всяком случае, это было их первой ошибкой. Варга и Рибемон, вероятно, отказались заплатить им. За этим последовали секретные встречи в барах, слежка за ними со стороны полиции и осведомителей и — мы знаем конец истории — их арест. Вторую ошибку совершил Симоне. Перед тем как нанять Фрэша, он обратился к другому наемному убийце, который отказался от предложенной работы, но, по-видимому, рассказал о ней своим знакомым. Чтобы поймать убийц, полиция построила свое расследование на двух простых идеях. Во-первых, убийство было совершено на улице де Дарданелл, когда Жан де Брольи выходил из дома Де Варга. Обязательно должна была существовать связь между убийцей и Де Варга. Во-вторых, прошлое Де Варга говорило не в его пользу, и полиция считала его юрисконсультom с весьма сомнительной репутацией. Эти две простые идеи и шестьдесят следователей привели к раскрытию убийства.

Г-н Биалаян: Завершение дела совпало по времени с заседанием Кабинета, на котором обсуждались вопросы общественного правопорядка ...”

12. 14 января 1977 г. г-ну Аллене де Рибемону было предъявлено обвинение в пособничестве и подстрекательстве к преднамеренному убийству, и он был взят под стражу. Однако 1 марта 1977 г. он был выпущен на свободу, а 21 марта 1980 г. дело против него было прекращено.

С. Требования о компенсации

1. Попытка достижения мирового соглашения

13. 23 марта 1977 г. г-н Аллене де Рибемон обратился к премьер-министру с жалобой на основании статьи 6 п. 2 Конвенции, в числе прочих причин. Он потребовал компенсации в размере 10 000 000 французских франков (FRF) за материальный и моральный вред, понесенный им в результате вышеупомянутых заявлений министра внутренних дел и высокопоставленных сотрудников полиции.

2. Разбирательство дела в административных судах

а) В Парижском административном суде

14. 20 сентября 1977 г. заявитель обратился в Парижский административный суд с требованием рассмотреть молчаливое отклонение премьер-министром его жалобы. Кроме того, он подал повторную жалобу с иском о компенсации нанесенного ему ущерба. 12 октября 1977 г. заявитель подал письменное заявление в суд.

21 февраля 1978 г. министр юстиции представил в суд свои объяснения и возражения. После того как 14 марта 1978 г. им были вручены повестки в Парижский административный суд, министр внутренних дел и премьер-министр представили свои объяснения по иску 21 и 27 апреля 1978 г., соответственно. Г-н Аллене де Рибемон подал дополнительные заявления в суд 29 марта и 24 мая 1978 г.

Дальнейшие письменные показания по делу дали: 29 марта 1979 г. — министр культуры, которому документация по делу была отправлена 23 января 1979 г.; 6 июня 1979 г. и 12 августа 1980 г. — министр внутренних дел; и 14 мая 1980 г. — заявитель.

15. После слушания дела 29 сентября 1980 г., Парижский административный суд 13 октября 1980 г. вынес свое решение, в котором были приведены следующие доводы:

“Г-н Аллене, известный под именем Аллене де Рибемона, обратился в суд с требованием, чтобы Государство выплатило ему компенсацию за ущерб, якобы причиненный ему тогдашним министром внутренних дел, который упомянул его имя в своих заявлениях, сделанных 29 декабря 1976 г. во время пресс-конференции по поводу убийства г-на Жана де Брولى.

Хотя Государство может нести ответственность за возмещение убытков, вызванных административными актами члена правительства, заявления, которые делает член правительства в ходе исполнения им своих служебных обязанностей, не подлежат рассмотрению в административных судах. Отсюда следует, что заявление является неприемлемым.

...”

б) В Государственном совете

16. 15 декабря 1980 г. Государственный совет зарегистрировал апелляционную жалобу, поданную г-ном Аллене де Рибемоном. После предупреждения 19 мая 1981 г., он представил письменные заявления и соображения 1 июля 1981 г. 7 июля эти заявления и соображения были пересланы министру внутренних дел, который представил свои возражения 13 апреля 1982 г. Заявитель ответил на них 7 июля 1982 г.

17. После слушаний 11 мая 1983 г. Государственный совет отклонил апелляцию 27 мая 1983 г., по следующим основаниям:

“Г-н Аллене, известный под именем де Рибемона, потребовал компенсацию за ущерб, якобы причиненный ему вследствие заявлений, сделанных прессе 29 декабря 1976 г. министром внутренних дел, директором отдела расследований и директором уголовной полиции по итогам расследования полицией убийства г-на Жана де Брольи. Заявления, сделанные министром внутренних дел во время полицейской операции, нельзя рассматривать отдельно от этой операции. Следовательно, административные суды не вправе выносить каких-либо решений по поводу ущерба, причиненного подобными высказываниями.

Из вышеизложенного следует, что хотя Парижский административный суд в оспариваемом решении неверно соотнес иск заявителя с действием, выполненным “в ходе исполнения служебных обязанностей”, и поэтому не подлежащим пересмотру в административных судах, — тем не менее апелляция г-на Аллене против отклонения его иска является необоснованной.”

3. Рассмотрение дела в общих судах

18. Г-н Аллене де Рибемон подал в Суд высшей инстанции Парижа иск против премьер-министра 29 февраля 1984 г. и против судебного представителя Казначейства — 5 марта 1984 г.

25 сентября 1984 г. премьер-министр заявил, что Суд высшей инстанции не обладает достаточной юрисдикцией, и что подобное дело, по его мнению, может рассматриваться только в административных судах.

Судебный представитель Казначейства сначала потребовал от заявителя представить полный текст высказываний, приписываемых министру, а затем выдвинул то возражение, что иск о диффамации не имеет силы в связи с истечением срока давности. Вслед за этим он представил свои письменные возражения в Суд 21 сентября 1984 г. и 28 мая 1985 г.

19. Заявитель представил свои аргументы 14 ноября 1984 г. и 5 апреля 1985 г. Он потребовал от Суда обязать две французские телевизионные компании предоставить в его распоряжение аудиовидеозаписи пресс-конференции от 29 декабря 1976 г. и посвященных ей новостных репортажей.

20. Суд принял 8 января 1986 г. следующее решение:

“Допустимость судопроизводства по иску против премьер-министра

В разделе 38 Закона от 3 апреля 1955 г. предусматривается, что любой иск, подаваемый в общие суды с заявлением о том, что Государство должно кому-либо, либо ему должны какую-либо сумму по причинам, не связанным с налогообложением или с государственной собственностью, кроме предусмотренных законодательством исключений, должен возбуждаться судебным представителем Казначейства или против судебного представителя Казначейства. При невыполнении данного условия, иск не имеет юридической силы.

Отсюда следует, что иск Патрика Аллене де Рибемона к Государству о возмещении ущерба, причиненного ему в результате высказываний, приписываемых министру внутренних дел, мог быть подан только против судебного представителя Казначейства, который является единственным представителем государства перед судами, а не против премьер-министра, который не должен поэтому оставаться стороной в судебном разбирательстве.

Юрисдикция

Суд высшей инстанции Парижа обладает надлежащей юрисдикцией по данному делу, поскольку приписываемые министру внутренних дел высказывания могут быть связаны с полицейской операцией и их нельзя отделить от этой операции.

Пресс-конференцию, проведенную 29 декабря 1976 г. министром внутренних дел, директором отдела расследований и директором уголовной полиции для ознакомления прессы с результатами полицейского расследования дела об убийстве Жана де Брольи, нельзя рассматривать в отрыве от проводившейся тогда полицейской операции.

...

Высказывания, послужившие основанием для иска

...

Лицо, обращающееся с жалобой на клеветнические или просто неосторожные высказывания в смысле статьи 1382 Гражданского Кодекса, должно доказать, что оспариваемые высказывания действительно имели место. В задачи суда не входит заполнение пробелов или добавление свидетельств к поданным сторонами материалам,

поскольку сторонам была предоставлена возможность беспрепятственно и в соответствии с принципом состязательности предъявить все имеющиеся у них документы и аргументы.

В связи с этим, поскольку истец не смог получить аудиовидеозапись рассматриваемой пресс-конференции, а судебный представитель Казначейства не считает необходимым потребовать от советника, готовящего дело к судебному разбирательству, или от суда издать приказ об обязательном предъявлении такого доказательства, решение должно приниматься на основании свидетельств, имеющихся в материалах дела.

Патрик Аллене де Рибемон предъявил вырезки из газетных статей о пресс-конференции 29 декабря 1976 г. Некоторые из этих репортажей были опубликованы уже на следующий день, другие датируются последующими числами... Однако в газетах ничего не сообщается о тех приписываемых министру внутренних дел высказываниях, которые изложены в исковом заявлении.

Тем не менее, в опубликованных спустя несколько лет материалах, журналисты приписали министру внутренних дел высказывания о предполагаемой роли Патрика Аллене де Рибемона. Например, в газете “Ле Пуан” от 6 августа 1979 г. можно прочесть следующую версию высказываний Мишеля Понятовски:

“Г-н Де Варга и г-н де Рибемон были зачинщиками убийства. Организатором был сержант полиции Симоне, а убийцей — г-н Фрэш.”

Впрочем, как бы аккуратно рассматриваемые высказывания не были переданы журналистами, статьи в прессе, на которые ссылается Патрик Аллене де Рибемон, не могут быть приняты в качестве единственного доказательства, принимая во внимание возражение, выдвинутое на этот счет ответчиком.

Кроме того, следует также отметить, что в публикациях, появившихся сразу же после рассматриваемой пресс-конференции, только вкратце упоминались высказывания о вовлеченности Патрика Аллене де Рибемона в убийство Жана де Брольи, якобы сделанные комиссаром Оттавиоли вслед за заявлением министра внутренних дел.

Таким образом, поскольку истец возбудил иск против Государства только по причине высказываний, приписываемых министру внутренних дел, дело следует прекратить даже без рассмотрения поданных документов, так как срок давности — как по иску о диффамации (хотя сам истец возражает против того, чтобы его обвинения рассматривались как иск о диффамации), так и по иску о нарушении тайны судебного следствия, предусмотренной в статье 11 Уголовно-процессуального кодекса — уже истек.

...”

(b) В Апелляционном суде Парижа

21. Г-н Аллене де Рибемон подал 19 февраля 1986 г. апелляцию в Апелляционный суд Парижа, а 19 марта судебный представитель Казначейства подал встречную апелляцию.

22. Заявитель снова потребовал, чтобы были запрошены аудиовидеозаписи для просмотра.

23. 7 мая 1986 г. советник, готовящий дело к судебному разбирательству, направил г-ну Аллене де Рибемона официальный запрос с просьбой представить свои соображения, однако заявитель никак на него не отреагировал. 14 октября 1986 г. тот же советник потребовал от заявителя подать имеющиеся у него документы к 30-му октября и представить любые свои соображения к 14-му ноября. 19 ноября указанный советник послал последнее уведомление перед завершением подготовки дела к судебному разбирательству. Судебный представитель Казначейства представил свои соображения 28 ноября, а заявитель — 9 декабря. 21 декабря стороны были уведомлены о том, что предписание о готовности дела к рассмотрению будет издано 28 апреля 1987 г.

24. На слушании 17 июня 1987 г. г-н Аллене де Рибемон ходатайствовал об откладывании слушания дела. Когда суд в должном порядке удовлетворил это ходатайство, он представил дополнительные соображения по делу 8 июля.

25. Апелляционный суд провел следующее слушание 16 сентября 1987 г. и вынес 21 октября 1987 г. решение против заявителя по следующим основаниям:

“Предварительное возражение о недопустимости

...

Из приведенных ниже аргументов относительно анализа ущерба очевидно, что настоящий иск не является гражданским иском о диффамации и/или нарушении тайны судебного следствия, а представляет собой иск, направленный на установление ответственности Государства на том основании, что судебная система сработала неправильно.

Существо дела

Согласно заявителю, г-н Понятовски сделал следующее заявление: “Г-н Де Варга и г-н де Рибемон были зачинщиками убийства. Организатором был сержант полиции Симоне, а убийцей — г-н Фрэш.” Из серии высказываний г-на Понятовски, или находящихся в его подчинении г-на Дюкре и г-на Оттавиоли якобы следовало, что все виновные арестованы и дело завершено. Указанные трое лиц будто бы утверждали, что мотивом преступления послужил банковский заем, полученный г-ном де Брольи и направленный на то, чтобы г-н де Рибемон мог приобрести контрольный пакет акций в компании “Харчевня Королевы Гусиные лапки”.

Однако, как справедливо установил далее суд, предъявленные г-ном Аллене де Рибемоном газетные вырезки не служат достаточным основанием для доказательства его заявлений.

Тем не менее, даже предположив доказанность указанных заявлений, было бы необходимо выяснить, может ли предполагаемый заявителем ущерб быть связан с опровергаемыми высказываниями.

...

Не было показано, что оспариваемые заявления, которые были сделаны во время судебного расследования, сами по себе послужили причиной вменяемого ущерба. Поскольку данный ущерб может быть связан с наличием уголовного расследования, нельзя утверждать, что рассматриваемые высказывания повлияли на ход дела.

В отсутствие всяких причинных связей между оспариваемыми высказываниями — если будет установлено их точное содержание — и объявленным ущербом, излишне рассматривать дополнительные соображения в пользу представления аудиовидеозаписи.

...”

(с) В Кассационном суде

26. Г-н Аллене де Рибемон подал апелляцию по вопросам права, которую Кассационный суд (Второе гражданское отделение) рассмотрел 4 ноября 1988 г. и отклонил 30 ноября 1988 г. по следующим основаниям:

“Было опротестовано судебное решение [Апелляционного суда Парижа], так как в нем отклонялась апелляция г-на Патрика Танкрэда Аллене де Рибемона по той причине, что предъявленные им газетные вырезки не могут служить достаточным основанием для доказательства его заявлений. Тем не менее, заявляется, во-первых — то, что Апелляционным судом был искажен смысл указанных газетных вырезок, убедительно доказывающих факт произнесения министром внутренних дел оспариваемых высказываний и содержащих точный текст этих высказываний; во-вторых — то, что Апелляционный суд нарушил статью 1382 Гражданского кодекса, отказавшись принимать во внимание моральный вред, причиненный г-ну Патрику Танкрэду Аллене де Рибемону; и наконец, в-третьих — то, что Апелляционный суд нарушил статью 13 Европейской конвенции о защите прав человека, отказав в справедливой компенсации человеку, чья репутации был нанесен ущерб высказываниями, которые слышали миллионы телезрителей.

Однако Апелляционный суд, следуя аргументации нижестоящего суда, утверждает в указанном решении, что в газетах, опубликованных в последующие за пресс-конференцией дни, ничего не сообщается о тех приписываемых министру внутренних дел высказываниях, которые изложены в исковом заявлении, а просто дается краткий отчет о замечаниях, которые, как сообщается, были сделаны комиссаром полиции после речи министра; и что приписываемые г-ну Понятовски высказывания, касающиеся предполагаемой роли г-на Патрика Танкрэда Аллене де Рибемона как подстрекателя к

преступлению, были опубликованы в статье, появившейся лишь спустя несколько лет после убийства.

Действуя в духе непредвзятости при оценке представленных свидетельств, Апелляционный суд пришел к заключению, что предъявленные выдержки не служат достаточным основанием для доказательства заявлений г-на Патрика Танкрэда Аллене де Рибемона.

Основываясь исключительно на этом доводе — не принимая во внимание аргументы, подвергнутые критике в обосновании апелляции по вопросам права, которые к тому же являлись вспомогательными соображениями — Апелляционный суд подтвердил свое решение в законном порядке.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

27. Г-н Аллене де Рибемон 24 мая 1989 г. обратился в Комиссию с жалобой. В ней он утверждал, что заявления, сделанные министром внутренних дел на пресс-конференции 29 декабря 1976 г., являлись нарушением его права пользоваться презумпцией невиновности, гарантированного в параграфе статьи 6 п.2 Конвенции. Он также жаловался на то, что согласно статье 13, ему не были предоставлены эффективные средства правовой защиты, которые позволили бы ему получить компенсацию за ущерб, будто бы причиненный ему в результате указанных заявлений; и что согласно статье 6 п. 1, французские суды не являются независимыми и разбирательство дела в них слишком затягивается.

28. 8 февраля 1993 г. Комиссия объявила жалобу (# 15175/89) приемлемой в части, касающейся протеста против несоблюдения презумпции невиновности и затяжки судебного разбирательства, и неприемлемой — по остальным пунктам. В своем докладе от 12 октября 1993 г. (статья 31) Комиссия единогласно пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 6 п. 1, 2. Полный текст выводов Комиссии приведен в приложении к настоящему постановлению (1).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

29. В своих письменных соображениях и замечаниях Правительство просило Суд “вынести решение о том, что не имело место нарушение статьи 6 п. 1, 2 Конвенции”.

30. Заявитель обратился к Суду с просьбой “подтвердить выводы Комиссии от 12 октября 1993 г.” и “принять решение о том, что имело место нарушение статьи 6 п. 1, 2 Конвенции”.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 2 Конвенции

31. Г-н Аллене де Рибемон принес жалобу на высказывания, сделанные 29 декабря 1976 г. в ходе пресс-конференции Министром внутренних дел и сопровождавшими его высокопоставленными сотрудниками полиции. Он ссылается на статью 6 п. 2 Конвенции, которая гласит:

“Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком”.

A. О применимости статьи 6 п. 2

32. Правительство по существу оспаривает возможность применения статьи 6 п. 2, ссылаясь на постановление по делу *Минелли против Швейцарии* от 25 марта 1983 г. (Серия А, т. 62). По его мнению, нарушение презумпции невиновности может исходить только от судебной власти и проявиться только по окончании разбирательства в случае осуждения обвиняемого, если мотивы, приведенные судьей, позволяют предположить, что он *a priori* считал его виновным.

33. Комиссия допускает, что принцип презумпции невиновности — прежде всего гарантия процессуального характера по уголовным делам, но сфера применения этого принципа значительно шире: он обязателен не только для уголовного суда, который решает вопрос об обоснованности обвинения, но и для всех остальных органов государства.

34. Задача Суда состоит в том, чтобы определить, затрагивала ли ситуация, сложившаяся в данном деле, те права, которые предоставляет заявителю статья 6 п. 2 (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Секанина против Австрии* от 25 августа 1993 г. Серия А, т. 266-А, стр. 13, п. 22).

35. Презумпция невиновности, закрепленная в п. 2 статьи 6, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства, о котором говорит п. 1 той же статьи (см., в частности, постановление по делу *Девеер против Бельгии* от 27 февраля 1980 г. Серия А, т. 35, стр. 30, п. 56, и постановление по вышеупомянутому делу *Минелли*, стр. 15, п. 27). Этот принцип нарушается, если суд объявит обвиняемого виновным, в то время как его виновность не была предварительно доказана. Если отсутствуют формальные подтверждения этого, достаточно, чтобы мотивация судьи давала основания полагать, что

он предполагал обвиняемого виновным (см. вышеупомянутое дело *Минелли*, стр. 18, п. 37).

Однако сфера применения статьи 6 п. 2 не ограничивается ситуацией, о которой говорит Правительство. Действительно, Суд констатировал нарушение принципа в вышеупомянутых делах *Минелли* и *Секанина*; национальные суды, рассматривавшие эти дела, прекратили их в связи с истечением срока давности в первом случае и в связи с оправданием подсудимого — во втором. Кроме того, Суд установил, что эта статья применима и к ряду других дел, когда национальные суды не выносили решения о виновности (см. постановления по делу *Адольф против Австрии* от 26 марта 1982 г. Серия А, т. 49, и делу *Лутц против Федеративной Республики Германии* от 25 августа 1987 г. Серия А, т. 123-А, 123-В и 123-С).

Кроме того, Суд напоминает, что Конвенция должна толковаться так, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права (см., помимо прочих, постановления по делу *Артико против Италии* от 13 мая 1980 г. Серия А, т. 37, стр. 16, п. 33, делу *Сёринг против Соединенного Королевства* от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 161, стр. 34, п. 87, и делу *Круз Варас и другие против Швеции* от 20 марта 1991 г. Серия А, т. 201, стр. 36, п. 99). Это касается и права, закрепленного в статье 6 п. 2.

36. Суд считает, что посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи или от суда, но и от других публичных властей.

37. 29 декабря 1976 г., в то время, когда проходила пресс-конференция, г-н Аллене де Рибемон уже был задержан полицией. Хотя его тогда еще не обвиняли в соучастии в преднамеренном убийстве (см. п. 12 выше), его задержание и содержание под стражей вписывались в рамки начатых за несколько дней до того судебным следователем предварительных следственных действий, что позволяло рассматривать его в качестве “обвиняемого” в смысле статьи 6 п. 2. Обоим высокопоставленным сотрудникам полиции как раз и было поручено вести расследование. Их высказывания на пресс-конференции, поддержанные министром внутренних дел, объясняются тем, что по делу уже велось расследование, и напрямую связаны с ним. Следовательно, в данном случае статья 6 п. 2 применима к данному делу.

В. О соблюдении статьи 6 п. 2

1. Ссылка на дело в ходе пресс-конференции

38. Свобода выражения своего мнения, гарантируемая статьей 10 Конвенции, распространяется и на свободу получения и распространения информации. Следовательно, статья 6 п. 2 не может препятствовать властям информировать общественность о ведущихся уголовных расследованиях, но она требует, чтобы власти делали это сдержанно и деликатно, как того требует уважение презумпции невиновности.

2. Содержание обжалуемых высказываний

39. Как и заявитель, Комиссия считает, что высказывания министра внутренних дел и сделанные в его присутствии заявления подчиненного ему комиссара, ведущего

следствие, и директора департамента уголовной полиции несовместимы с принципом презумпции невиновности. Действительно, Комиссия отмечает, что в них г-н Аллене де Рибемон был представлен как один из подстрекателей к убийству г-на де Брولي.

40. По мнению Правительства, такие заявления относятся к числу информационных сообщений об уголовных расследованиях; они не могут наносить ущерба презумпции невиновности, поскольку они не связывают судей и могут быть опровергнуты в ходе дальнейшего расследования. Факты дела иллюстрируют это утверждение, т. к. обвинение было предъявлено заявителю лишь через две недели после пресс-конференции, а затем дело против него было прекращено за отсутствием состава преступления.

41. Суд отмечает, что в данном случае некоторые из наиболее высокопоставленных сотрудников французской полиции назвали г-на Аллене де Рибемона без каких-либо оговорок одним из подстрекателей, т. е. соучастником убийства (см. п. 11 выше). Здесь явно налицо заявление о виновности, которое, с одной стороны, побуждало общественность поверить в нее, а с другой — предваряло оценку фактов дела компетентными судьями. Следовательно, нарушение статьи 6 п. 2 имело место.

II. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции

42. Г-н Аллене де Рибемон также жалуется на затяжку разбирательства дел по возмещению ущерба, которые он возбудил сначала в административных, а затем и в общих судах. Он ссылается на статью 6 п. 1, которая гласит:

“Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок... судом...”

43. Применимость статьи 6 п. 1 споров не вызывала. Как и Комиссия, Суд отмечает, что данные дела касались исков по возмещению ущерба, нанесенного посягательствами на честь и достоинство, которые, по словам заявителя, ему пришлось выдерживать в связи с оспариваемыми заявлениями. Следовательно, эти дела имели целью разрешение спора гражданского характера в смысле статьи 6 п. 1.

A. Принимаемый во внимание период

44. Конечная дата периода, который должен приниматься во внимание, разногласий не вызывала; это 30 ноября 1988 г. — день, когда Кассационный суд отклонил жалобу заявителя на решение Парижского апелляционного суда от 21 октября 1987 г. (см. п. 26 выше).

45. Иначе обстоит дело с исходной датой указанного периода.

По мнению Правительства, рассмотрение дела в административных судах не должно приниматься во внимание. Эти суды не могли вынести решения по существу, поскольку принцип разделения административной и судебной властей не позволяет этим судам принимать дела, рассмотрение которых ведет к вмешательству в деятельность общих судов. Адвокаты г-на Аллене де Рибемона не могли не знать об этом принципе.

Напротив, заявитель утверждает, что жалоба в Административный суд Парижа была отправной точкой процедуры и в свете конфликта компетенций, имевшего место в данном случае, обращение в общий суд явилось необходимым продолжением обращения в административный суд. Он добавляет, что в данном случае компетенция административной юрисдикции представлялась такой естественной, что премьер-министр опротестовал в Суде высшей инстанции Парижа подсудность дела общим судам.

46. Как и Комиссия, Суд соглашается с доводами заявителя. Суд отмечает, что проблема разграничения административной и общей юрисдикций в делах о возмещении ущерба представляется весьма сложной и щекотливой, тем более что высказывания исходили от члена Правительства. Следовательно, адвокатов г-на Аллене де Рибемона нельзя упрекать в том, что сперва они обратились в административный суд.

Таким образом, период, который должен приниматься во внимание при определении разумной длительности разбирательства, начался 23 марта 1977 г., т. е. с момента подачи жалобы премьер-министру (см. п. 13 выше, а также см. постановление по делу *Каракайя против Франции* от 26 августа 1994 г. Серия А, т. 289-В, стр. 42, п. 29), и длился приблизительно одиннадцать лет и восемь месяцев.

В. Разумная длительность разбирательства

47. Разумность длительности разбирательства оценивается в зависимости от обстоятельств дела и с учетом критериев, установившихся в судебной практике Суда, в частности сложности дела, поведения заявителя, поведения компетентных органов (см., помимо прочего, постановление по делу *Катте Клитше де ла Гранж против Италии* от 27 октября 1994 г. Серия А, т. 293-В, стр. 37—38, п. 51). По этому последнему пункту учитывается и важность предмета разбирательства для заявителя (см., в частности, постановление по делу *Хокканен против Финляндии* от 23 сентября 1994 г. Серия А, т. 299-А, стр. 25, п. 69).

1. Сложность дела

48. Комиссия, на мнение которой ссылается г-н Аллене де Рибемон, признает, что начатое им разбирательство представляет определенную сложность, поскольку оно связано с ответственностью Государства.

49. По мнению Правительства, в связи с делом встает деликатная проблема доказательства ошибочности высказываний и понесенного вследствие этого ущерба. К этому прибавляются осложнения процессуального характера, которым способствовал заявитель.

50. С точки зрения Суда, даже если дело в силу вышеперечисленных причин и было сложным, то его сложность не может полностью оправдать длительность судебного разбирательства.

2. Поведение заявителя

51. Г-н Аллене де Рибемон утверждает, что затягивание разбирательства не может быть вменено ему в вину.

52. По мнению Правительства, заявитель, напротив, в течение почти шести лет затягивал разбирательство. Он ждал одиннадцать месяцев, прежде чем ответить на письменные возражения министра культуры и министра внутренних дел в административном суде; семь месяцев — после регистрации его апелляционной жалобы в Государственном совете, прежде чем представить дополнительные разъяснения по жалобе; девять месяцев — после отклонения его жалобы Государственным советом, прежде чем подать исковое заявление в общий суд; десять месяцев при неоднократных напоминаниях судьи понадобилось ему для представления материалов, необходимых для передачи в Апелляционный суд, что на три месяца задержало эту передачу.

Не обратившись в общий суд сразу по вынесении Административным судом Парижа решения о неподсудности ему данного дела, истец затянул разбирательство еще на два года и семь месяцев, т. е. на то время, которое понадобилось для подтверждения Государственным советом решения Административного суда Парижа.

53. Как и Комиссия, Суд констатирует, что поведение г-на Аллене де Рибемона в определенной степени задержало разбирательство дела.

Как уже указал Суд, в связи с тем, что трудно определить, какая система судов правомочна рассматривать данное дело, заявителя нельзя упрекать в том, что он обратился в первую очередь к административным судам (см. п. 46 выше). Это относится как к обращению в суд первой инстанции, так и к обращению в апелляционную инстанцию, являющемуся следствием первого обращения, поэтому срок в два года и семь месяцев между вынесением решений Административным судом (13 октября 1980 г.) и Государственным советом (27 мая 1983 г.) не может быть поставлен в упрек только г-ну Аллене де Рибемону.

Таким образом, если предположить, что заявитель может считаться ответственным за задержку в три года и четыре месяца, остается еще около восьми лет.

3. Поведение национальных властей

54. В том, что касается поведения национальных властей, г-н Аллене де Рибемон ссылается на заключение Комиссии. Однако он уточняет, что отказ властей в его просьбе предоставить ему аудиовидеозаписи, что позволило бы ему подтвердить свои утверждения, содействовал задержке в судебном процессе.

55. По мнению Правительства, компетентные власти делали все, чтобы ускорить разбирательство. В частности, в Парижском апелляционном суде советник, готовивший дело, много раз обращался к заявителю, чтобы получить от него объяснения или возражения, которые тот не спешил представить. Кроме того, единственные периоды бездействия, которые Комиссия ставит в упрек властям, — это разбирательство в административных судах, которое в данном случае не должно учитываться.

56. Как и Комиссия, Суд отмечает ряд периодов бездействия, ответственность за которые несут национальные власти. Первый период — в Административном суде Парижа — длился восемь месяцев, начиная с подачи г-ном Аллене де Рибемоном заявления (24 мая

1978 г.) и заканчивая передачей документации по делу министру культуры (23 января 1979 г.) (см. п. 14 выше). Второй период — в Государственном совете — занял девять месяцев и две недели, начиная с подачи заявителем дополнительного заявления (1 июля 1981 г.) и заканчивая ответом министра внутренних дел (13 апреля 1982 г.) (см. п. 16 выше). Кроме того, премьер-министр и судебный представитель Казначейства представили свои объяснения и возражения соответственно лишь через семь и шесть месяцев после их вызова в суд (см. п. 18 выше).

Кроме того, административные и судебные власти постоянно чинили препятствия в выдаче аудиовидеозаписи, которая позволила бы г-ну Аллене де Рибемону представить доказательство высказываний, сделанных на пресс-конференции: первые прибегли к таким отлагательным средствам, как передача дела министру культуры, вторые отказались востребовать запись, в то время как истец не мог получить ее собственными средствами. У Суда нет сомнений, что главная причина проволочек в разбирательстве кроется именно в этом.

Что касается конкретно позиции судебных органов, то Суд констатирует, что административным судьям потребовалось не менее пяти лет и восьми месяцев, чтобы объявить себя неправомочными заниматься данным делом и что несмотря на усилия советника, готовившего дело к незамедлительному разбирательству в Апелляционном суде, из документов по делу не вытекает, что хотя бы один судья в иных судебных инстанциях предпринял что-либо в этом направлении.

С. Заключение

57. Только сложностью дела и поведением заявителя объяснить затяжной характер судебной процедуры нельзя. Накопившиеся задержки главным образом объясняются позицией национальных властей, в частности, их отказом удовлетворить просьбу г-на Аллене де Рибемона предоставить ему существенное доказательство. Учитывая важность дела для заявителя и даже соглашаясь с тем, что длительность разбирательства в Апелляционном суде и в Кассационном суде не была чрезмерной в каждом из них, общая длительность разбирательства в одиннадцать лет и восемь месяцев не может считаться разумной. Следовательно, была нарушена статья 6 п. 1.

III. О применении статьи 50 Конвенции

58. В соответствии со статьей 50 Конвенции,

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

А. Ущерб

59. Прежде всего г-н Аллене де Рибемон настаивает на возмещении материального ущерба. По его утверждению, оспариваемые им высказывания должностных лиц имели следствием его неплатежеспособность и разорение; он не смог найти новую работу: его банк приостановил льготные условия кредитования, которые он предоставлял ему ранее, и отказался оплачивать подписанные им чеки; 14 марта 1979 г. Суд высшей инстанции Парижа расторг договор заявителя с г-ном де Брольи и обязал заявителя немедленно выплатить часть его долга с процентами на день смерти г-на Брольи, но значительная часть долга все еще не выплачена его наследникам; 7 февраля 1977 г., когда заявитель содержался под стражей по обвинению в соучастии в убийстве, в судебном порядке была проведена ликвидация ресторана “Харчевня Королевы Гусиные лапки”.

Заявитель считает, что пострадала репутация его самого и его близких, ему причинен моральный вред, причем весьма значительный, ибо соответствующие высказывания исходили от высоких должностных лиц, а также в силу международной известности г-на Брольи. Порочащая заявителя ситуация длилась достаточно долго, несмотря на прекращение 21 марта 1980 г. дела против него за отсутствием состава преступления.

Г-н Аллене де Рибемон оценивает общую сумму нанесенного ему ущерба в 10 000 000 французских франков.

60. По мнению Правительства, заявитель не доказал прямой причинной связи между имевшим якобы место нарушением статьи 6 п. 2 и ухудшением его финансового положения. Что же касается морального вреда, то признание факта нарушения Конвенции само по себе явилось бы достаточным справедливым возмещением.

61. Представитель Комиссии считает малообоснованными те суммы, которые заявитель требует в возмещение материального ущерба, из-за отсутствия связи между высказываниями министра и высокопоставленных должностных лиц и понесенным ущербом. В то же время, по его мнению, тяжесть обвинений и постоянный отказ национальных властей передать заявителю аудиовидеозапись пресс-конференции повлекли моральный вред, требующий большего, чем чисто символическое возмещение. В оценке ущерба, связанного с чрезмерной длительностью разбирательства, представитель Комиссии полагается на Суд.

62. Суд не согласен с доводами г-на Аллене де Рибемона о материальном ущербе. Суд тем не менее считает, что серьезные обвинения, выдвигавшиеся против заявителя на пресс-конференции 29 декабря 1976 г., в значительной мере подорвали то доверие, которым он пользовался у своих деловых партнеров, и создали тем самым препятствие для осуществления его профессиональной деятельности. В связи с этим Суд считает требование о возмещении материального ущерба частично обоснованным.

Кроме того, как и представитель Комиссии, Суд считает, что заявитель, несомненно, потерпел моральный вред из-за нарушения статьи 6 п. 1 и в еще большей степени — из-за нарушения статьи 6 п. 2. Хотя личность г-на де Брольи, обстоятельства его смерти и вызванная ей тревога в обществе, несомненно, оправдывали стремление властей без промедления проинформировать общественность о положении дел, они в то же время позволяли предвидеть, какой широкий резонанс получают в средствах массовой информации заявления о ходе расследования. Недостаточная сдержанность и бестактность по отношению к заявителю, следовательно, были недопустимыми. Оспариваемые заявления имели значительный резонанс, причем не только во Франции, но и за ее пределами.

Учитывая все относящиеся к делу обстоятельства и вынося на основании статьи 50 решение о справедливой компенсации, Суд присуждает г-ну Аллене де Рибемону возмещение на общую сумму в 2 000 000 французских франков.

В. Гарантия

63. Заявитель также предлагает Суду принять решение о предоставлении ему со стороны государства гарантии против любых требований исполнения решения Суда высшей инстанции Парижа от 14 марта 1979 г. или зарезервировать за ним право просить в дальнейшем об увеличении справедливого возмещения.

64. Представитель Комиссии по этому пункту не высказывался.

65. Как и Правительство, Суд напоминает, что статья 50 не наделяет его полномочием издавать такие предписания в отношении государства-участника (см. *mutatis mutandis* постановления по делу *Компания с ограниченной ответственностью “Идрокалче” против Италии* от 27 февраля 1992 г. Серия А, т. 229-Ф, стр. 65, п. 26, и делу *Пелладоа против Нидерландов* от 22 сентября 1994 г. Серия А, т. 297-В, стр. 35—36, п. 44). Кроме того, Суд считает, что в отношении справедливого возмещения сделано все необходимое.

С. Судебные издержки и расходы

66. Наконец, г-н Аллене де Рибемон требует 270 384,28 французского франка на покрытие издержек и расходов, которые он понес в органах Конвенции, из них 211 500 французских франков на оплату услуг адвокатов, 16 480 франков судебных издержек и 42 404,28 франка налога на добавленную стоимость (НДС).

67. В этом вопросе Правительство и представитель Комиссии полагаются на оценку Суда.

68. Вынося решение о справедливом возмещении, Суд присуждает заявителю возмещение в размере 100 000 французских франков плюс НДС.

По этим основаниям Суд

1. *Постановил* восемью голосами против одного, что нарушение статьи 6 п. 2 Конвенции имело место;

2. *Постановил* единогласно, что была нарушена статья 6 п. 1 Конвенции;

3. *Постановил* восемью голосами против одного, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 2 000 000 (два миллиона) французских франков в возмещение ущерба;

4. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 100 000 (сто тысяч) французских франков плюс налог на добавленную стоимость на покрытие судебных издержек и расходов;

5. *Отклонил* единогласно остальные требования о справедливом возмещении.

Совершено на французском и английском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 10 февраля 1995 г.

Герберт Петцольд Рольф Риссдал

Секретарь Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А, к настоящему постановлению прилагается частично несовпадающее особое мнение судьи Мифсуда Бонничи.

Частично несовпадающее особое мнение судьи

Мифсуда Бонничи

1. Я согласен с мнением большинства, что нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции имело место и что сумма в 100 000 французских франков плюс НДС должна быть выплачена заявителю в покрытие его судебных издержек и расходов.

2. В то же время я не согласен с утверждением о нарушении статьи 6 п. 2 Конвенции.

Действительно, в настоящем постановлении впервые утверждается, что когда речь идет о фундаментальном принципе: “каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока виновность его не будет доказана в установленном законом порядке”, — посягательство на этот принцип — презумпцию невиновности — “может исходить не только от судьи или от суда, но также от любой другой публичной власти” (п. 36). Таков главный принцип, объявленный в постановлении.

3. В пункте 35 сказано: “Кроме того, Суд напоминает, что Конвенция должна толковаться так, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права”.

4. Мое несогласие связано с тем, что это расширительное толкование презумпции невиновности не сопровождается конкретными и реальными гарантиями. Действительно, если нарушение совершается национальными властями до процесса над обвиняемым, то не существует ни одного конкретного или реального способа исправить ситуацию сразу после нарушения. В данном случае Суд констатирует нарушение, имевшее место еще в 1976 г., и может на этом основании принять решение о финансовом возмещении ущерба. Но это, очевидно, не составляет конкретного или реального возмещения, которое могло бы с успехом иметь место до начала процесса при признании факта нарушения.

5. Чтобы проиллюстрировать сложность проблемы, я сошлюсь на *мальтийское дело*.

13 апреля 1972 г. на крыше одного дома взорвалась бомба, и Джузеппина Формоза, домохозяйка, проживавшая в этом доме, была разорвана на куски.

28 апреля 1972 г. префект полиции, он же директор полицейских служб, в сопровождении четырех своих полицейских проводил пресс-конференцию. На ней шла речь о проблеме преступности в целом, о состоянии полицейских сил и о других вопросах подобного рода, после чего префект добавил, что тот вид расследования, который проводился по делу о взрыве бомбы, оказался плодотворным, поскольку супруг погибшей Эммануэль Формоза признался в содеянном и будет на следующий день заслушан следователем в качестве обвиняемого; пока же он попросил защиты у полиции, опасаясь мести братьев своей жены.

6. Формоза обратился с жалобой в суд, ссылаясь, в частности, на нарушение основного права, гарантированного мальтийской Конституцией (статья 39 п. 5): “Любой обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, пока виновность его не будет доказана или пока он не признает себя виновным”. Суд немедленно рассмотрел жалобу и 5 мая 1972 г. отклонил ее. Конституционный Суд 16 апреля 1973 г. оставил решение суда в силе (Dec. Kost 1964—1978, Gh. St. Ligi, p. 343). В дальнейшем Формоза предстал перед судом и 13 июля 1973 г. был признан виновным в убийстве своей жены.

7. Факты этого дела во многом аналогичны фактам настоящего дела. Разница заключается в том, что в *мальтийском деле* проблема была рассмотрена и разрешена до уголовного процесса, в то время как в данном случае Суд рассматривает его после того, как все было сказано и совершено.

8. Аргументы мальтийских судебных органов об отсутствии нарушения не являются убедительными. Судьи не рассматривали вопрос о том, действуют ли гарантии только в сфере правосудия или же распространяются также на действия других публичных властей. Но из дела ясно следует, что если допустить расширение принципа — как это утверждается в настоящем постановлении, — то у судебных органов нет реальных и конкретных средств исправить совершенное нарушение до начала уголовного процесса, даже если во внутреннем праве конституционный механизм предусматривает, что вопрос о нарушении может быть рассмотрен и разрешен до начала процесса, а не после.

9. Поскольку Суд поставил серьезный вопрос, способный существенно повлиять на уголовно-процессуальное право государств-участников, но при этом не разъясняет, какие

конкретные и эффективные меры можно принять в случае нарушения, я не могу последовать за большинством.

Толкование постановления от 10 февраля 1995 г.

Постановление суда от 7 августа 1996 г.

Процедура

1. Европейская Комиссия по правам человека (Комиссия) на основании статьи 57 Регламента А внесла в Суд запрос о толковании судебного постановления, вынесенного 10 февраля 1995 г. по делу *Аллене де Рибемон против Франции* (Серия А, т. 308). Запрос внесен 19 сентября 1995 г., в течение трехлетнего срока, предусмотренного статьей 57 п. 1; он подписан Председателем Комиссии г-ном Трекселем.

2. В соответствии с параграфом 4 вышеназванной статьи, запрос о толковании рассматривался Палатой, которая выносила подлежащее толкованию постановление и которая заседала в том же составе.

3. 26 сентября 1995 г. секретарь известил о запросе Правительство и заявителя, предложив им представить в письменном виде их замечания к 12 января 1996 г. — сроку, установленному Председателем Палаты (статья 57 п. 3 Регламента Суда А).

12 января 1996 г. секретарь получил замечания от Правительства, а 16 января — от заявителя.

Суд решил не проводить слушаний по данному делу.

Запрос о толковании

4. 24 мая 1989 г. гражданин Франции г-н Патрик Аллене де Рибемон подал в Комиссию жалобу против Французской Республики на основании статьи 25.

5. Получив 21 января 1994 г. это дело от Комиссии, Суд вынес по нему решение 10 февраля 1995 г. Суд признал нарушение статьи 6 п. 2 Конвенции — презумпция невиновности, а также нарушение статьи 6 п. 1 — превышение разумного срока судебного рассмотрения дела.

6. В том же решении Суд разрешил также и вопрос о применении статьи 50 Конвенции.

Г-н Аллене де Рибемон требовал компенсировать ему материальный и моральный ущерб в размере 10 000 000 французских франков. Кроме того, он просил Суд постановить, что государство должно дать ему гарантии от исполнения решения Суда высшей инстанции Парижа от 14 марта 1979 г. в случае предъявления требований, основанных на этом решении, или разрешить ему в дальнейшем просить об увеличении справедливой компенсации, если такие требования будут удовлетворены. Наконец, он требовал возмещения судебных издержек и расходов в размере 270 384,28 французского франка.

Ответы Суда по этим трем пунктам содержатся соответственно в п. 62, 65 и 68 постановления от 10 февраля 1995 г.:

“62. Суд не согласен с доводами г-на Аллене де Рибемона о материальном ущербе. Суд тем не менее считает, что серьезные обвинения, выдвигавшиеся против заявителя на пресс-конференции 29 декабря 1976 г., в значительной мере подорвали то доверие, которым он пользовался у своих деловых партнеров, и создали тем самым препятствие для осуществления его профессиональной деятельности. В связи с этим Суд считает требование о возмещении материального ущерба частично обоснованным.

Кроме того, как и представитель Комиссии, Суд считает, что заявитель, несомненно, потерпел моральный вред из-за нарушения статьи 6 п. 1 и в еще большей степени — из-за нарушения статьи 6 п. 2. Хотя личность г-на де Брولي, обстоятельства его смерти и вызванная ей тревога в обществе, несомненно, оправдывали стремление властей без промедления проинформировать общественность о положении дел, они в то же время позволяли предвидеть, какой широкий резонанс получают в средствах массовой информации заявления о ходе расследования. Недостаточная сдержанность и бестактность по отношению к заявителю, следовательно, были недопустимыми. Оспариваемые заявления имели значительный резонанс, причем не только во Франции, но и за ее пределами.

Учитывая все относящиеся к делу обстоятельства и вынося на основании статьи 50 решение о справедливой компенсации, Суд присуждает г-ну Аллене де Рибемону возмещение на общую сумму в 2 000 000 французских франков.”

“65. Как и Правительство, Суд напоминает, что статья 50 не наделяет его полномочием издавать такие предписания в отношении государства-участника (см. *mutatis mutandis* постановления по делу *Компания с ограниченной ответственностью “Идрокалче” против Италии* от 27 февраля 1992 г. Серия А, т. 229-Ф, стр. 65, п. 26, и делу *Пелладоа против Нидерландов* от 22 сентября 1994 г. Серия А, т. 297-В, стр. 35—36, п. 44). Кроме того, Суд считает, что в отношении справедливого возмещения сделано все необходимое.”

“68. Вынося решение о справедливом возмещении, Суд присуждает заявителю возмещение в размере 100 000 французских франков плюс НДС”.

7. Постановляющая часть постановления от 10 февраля 1995 г. сформулирована следующим образом:

“По этим основаниям Суд

(...)

3. *Постановил* восемью голосами против одного, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 2 000 000 (2 миллиона) французских франков в возмещение ущерба;

4. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 100 000 (сто тысяч) французских франков плюс налог на добавленную стоимость на покрытие судебных издержек и расходов;

5. *Отклонил* единогласно остальные требования о справедливом возмещении”.

8. В письме от 15 мая 1995 г. в Министерство внутренних дел адвокат г-на Аллене де Рибемона заявил, что Правительство не выплачивает последнему денег, причитающихся ему во исполнение постановления Суда от 10 февраля 1995 г.

9. 18 мая 1995 г. министерство направило адвокату заявителя оригиналы двух правительственных поручений о выплате г-ну Аллене де Рибемону соответственно 2 000 000 французских франков и 118 000 французских франков (т. е. 100 000 французских франков плюс 18,6% НДС).

10. В июле—августе 1995 г. заявитель был извещен о том, что по просьбе семьи де Брولли и на основании судебного решения, вынесенного 4 марта 1979 г. Судом высшей инстанции Парижа и вступившего в законную силу, на эти суммы 3 марта 1995 г. был наложен арест.

Судебный исполнитель получил в июле 1995 г. переводы на указанные суммы от Службы выплат Казначейства, один — на 2 000 000 французских франков, другой — на 118 600 французских франков, после чего он направил адвокату заявителя чек на вторую из этих сумм.

11. В письме от 20 июля 1995 г., в дополнение к которому прилагалось другое письмо — от 16 августа, г-н Аллене де Рибемон просил Председателя Комиссии обратиться в Суд с запросом о толковании постановления от 10 февраля 1995 г., чтобы:

“(…)

Определить, какую часть от общей суммы возмещения ущерба в размере 2 000 000 французских франков составляет возмещение морального вреда, а какую — ущерба материального, поскольку ранее уточнялось, что присужденная сумма в 100 000 французских франков плюс НДС предназначалась для покрытия издержек и расходов по ведению процесса.

Определить далее ту часть возмещения, на которую может быть наложен арест и часть, на которую арест наложен быть не может.

Наконец, определить дату начала начисления штрафных процентов за просрочку выплаты Правительством Французской Республики(…)”.

12. Комиссия, ссылаясь на статью 57 п. 2 Регламента А, в своем запросе о толковании ставит перед Судом следующие три вопроса:

“Во-первых: следует ли из статьи 50 Конвенции, предусматривающей справедливое возмещение потерпевшей стороне, что любые суммы, присужденные на ее основании, должны быть выплачены потерпевшей стороне непосредственно и на них не может налагаться арест, причем даже тогда, когда внутреннее законодательство Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий своих действий, признанных противоречащими обязательствам по Конвенции?”

Во-вторых: следует ли, если речь идет о суммах, на которые могут быть заявлены претензии в соответствии с законодательством Франции, проводить различие между частью суммы, выплачиваемой в возмещение материального ущерба, и частью суммы, выплачиваемой в возмещение вреда морального?

В-третьих: если да, то какие суммы Суд был намерен присудить заявителю в качестве возмещения материального и морального ущерба соответственно?”

13. 19 октября 1995 г. Комитет министров Совета Европы принял следующую резолюцию (резолюция ПЧ (95) 247):

“Комитет министров (...),

(...)

Заявляет, ознакомившись с информацией, предоставленной Правительством Франции, что по данному делу он выполнил свои функции по статье 54 Конвенции, если только по постановлению Суда в ответ на запрос о толковании дело не будет пересматриваться.

Приложение к резолюции ПЧ (95) 247

Информация, предоставленная Правительством Франции при рассмотрении дела Аллене де Рибемона Комитетом министров

(...)

По вопросу выплаты справедливого возмещения Правительство приводит следующие уточнения.

Стремясь обеспечить должное выполнение постановления Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 1995 г., Правительство Франции начало необходимые процедуры для расчета с г-ном Аллене де Рибемоном в течение мая 1995 г.

Однако 6 марта 1995 г. кредиторы г-на Аллене де Рибемона — наследники г-на де Брольи — обратились в Службу выплат Казначейства Франции с просьбой наложить арест на эти суммы.

Судебного решения о наложении ареста в данном случае не требовалось, так как наследники г-на де Брольи имели исполнительный лист на основании судебного решения от 1979 г. В связи с этим 18 июля 1995 г. Служба выплат Казначейства заплатила кредиторам г-на Аллене де Рибемона, поскольку парижским судебным исполнителем было удостоверено, что вопрос о пересмотре этого решения не поднимался.

Следовательно, французское государство исполнило свои обязательства по постановлению Европейского Суда по правам человека и не должно вникать в те трудности, которые могут возникнуть в связи с этим между частными лицами”.

Вопросы права

14. В соответствии со статьей 57 Регламента Суда А:

“1. Любая из сторон и Комиссия могут просить о толковании постановления Суда в течение трех лет со дня его вынесения.

2. В запросе необходимо конкретно указать пункт или пункты постановления, по которым следует дать толкование (...)

(...)”

15. Правительство заявляет о неприемлемости запроса о толковании: по его мнению, Суд ясно заявил в своем постановлении от 10 февраля 1995 г., что он не должен высказываться по поводу возможности или невозможности ареста сумм, являющихся предметом спора, поэтому здесь нет никаких “неясностей” или “двусмысленности”.

По утверждению Правительства, в компетенцию Суда не входит разрешение споров между получателем справедливого возмещения и его кредиторами. Но именно такова была цель запроса Комиссии, поскольку, как это было констатировано Комитетом министров 13 октября 1995 г., Правительство выполнило свои обязательства по статье 54 Конвенции.

Кроме того, из правоприменительной практики Суда следует, что Суд не может объявить не подлежащими аресту те суммы, которые он присуждает к выплате в соответствии со статьей 50.

Правительство дополнительно уточнило, что французское законодательство не знает принципа недопустимости ареста сумм, присуждаемых к выплате национальными судебными органами в возмещение материального или морального ущерба. Кроме того, в данном случае невозможно установить, какая сумма была присуждена Судом в возмещение материального, а какая — морального ущерба, поскольку в постановлении от 10 февраля 1995 г. такое разграничение не произведено.

16. Заявитель, который ранее обращался к Комиссии с просьбой направить в Суд запрос о толковании, утверждает, что этот запрос вполне приемлем.

Говоря о сути дела, он в качестве главного довода утверждает, что суммы, присужденные Судом к выплате на основании статьи 50, не зависят от внутреннего законодательства. Справедливое возмещение предназначено для того, чтобы компенсировать конкретный ущерб, вытекающий из нарушения Конвенции, являющейся международным договором, если на основании внутреннего законодательства государства этот ущерб полностью возмещен быть не может. Это возмещение ущерба также является определенной санкцией против данного государства. Наконец, контроль над исполнением постановлений Суда, констатирующих одно или несколько нарушений Конвенции, а при необходимости обязывающих государство выплатить определенные суммы, осуществляется по особым правилам: на основании статьи 54 Конвенции Комитету министров Совета Европы, а не административным или судебным органам государства надлежит рассматривать те сложности, которые могут возникать при исполнении постановления Суда. Возмещение настолько связано с получателем, что все суммы, выплачиваемые ему как пострадавшему от нарушения, не подлежат аресту независимо от норм национального права в этой области.

В порядке дополнительного аргумента заявитель отмечает, что, если бы Суд считал неподлежащими аресту только суммы в возмещение морального вреда, он бы учел, что в постановлении от 10 февраля 1995 г. в возмещение морального вреда назначена сумма значительно более высокая, чем в возмещение ущерба материального.

Кроме того, г-н Аллене де Рибемон требует 50 000 французских франков в возмещение судебных издержек и расходов по настоящему запросу о толковании.

17. Суд отмечает, что запрос о толковании он “рассматривает на основании своих имплицитных полномочий: он призван разъяснить смысл и значение, которые он намеревается придать своему предыдущему постановлению, уточнив при необходимости, что из этого постановления имеет обязательную силу” (решение по делу *Рингейзена* от 23 июня 1973 г. Серия А, т. 16, стр. 8, п. 13).

18. В своем первом вопросе Комиссия осведомляется у Суда, следует ли понимать, что “статья 50 Конвенции (...) подразумевает, что всякая сумма, выплаченная в этом качестве, должна быть выплачена адресату лично и не подлежит аресту”.

19. Суд рассматривает этот вопрос как просьбу дать общее абстрактное толкование статьи 50, что выходит за общие рамки не только статьи 57 Регламента Суда А, но и за рамки компетенции Суда (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу *Рингейзена*, стр. 8, п. 13, а также постановление по делу Лоулесса от 14 ноября 1960 г. Серия А, т. 1, с. 11).

Впрочем, в данном деле Суд не выносил решения о том, что любые выплачиваемые заявителю суммы не подлежат аресту, хотя он просил Суд принять решение о том, что государство должно гарантировать ему, что любое требование исполнения решения Суда высшей инстанции Парижа от 14 марта 1979 г. (п. 63 постановления от 10 февраля 1995 г.)

останется без последствий. Суд на это ответил, что “статья 50 не наделяет его полномочием издавать такие предписания в отношении государства-участника”

(п. 65 постановления). Следовательно, вопрос был передан на усмотрение национальных органов, действующих на основании соответствующего внутреннего законодательства.

20. Вторым и третьим вопросы Комиссии сформулированы следующим образом:

“Следует ли, если речь идет о суммах, на которые могут быть заявлены претензии в соответствии с законодательством Франции, проводить различие между частью суммы, выплачиваемой в возмещение материального ущерба, и частью суммы, выплачиваемой в возмещение ущерба морального?”

“Если да, то какие суммы Суд был намерен присудить заявителю в возмещение материального и морального ущерба соответственно?”

21. В своем постановлении от 10 февраля 1995 г. Суд присудил заявителю возмещение в 2 000 000 французских франков, не проводя различия между материальным и моральным ущербом.

Аргументируя это решение, Суд счел “требование о возмещении материального ущерба частично обоснованным” и отметил, “что заявитель, несомненно, потерпел моральный вред” (п. 62 постановления, п. 6—7 настоящего документа). С учетом “всех относящихся к делу обстоятельств”, “вынося решение по справедливости”, Суд присудил заявителю “возмещение на общую сумму в 2 000 000 французских франков” (там же).

22. Из этого следует, что в отношении этой суммы Суд не счел нужным устанавливать различие между тем, какая часть относится к материальному, а какая к моральному ущербу. К тому же Суд не обязан делать это при назначении “справедливой компенсации” в соответствии со статьей 50 Конвенции. На практике провести такое разграничение часто бывает трудно, а порой и невозможно, как это видно по ряду предыдущих дел, где Суд также указал общую сумму (см. также постановления по делам *Билли* от 26 февраля 1993 г. Серия А т. 257-G, стр. 90, п. 25; *Барбера, Мессега и Ябардо* от 13 июня 1994 г. Серия А, т. 285-C, стр. 58, п. 20, и *Лопез Остра* от 9 декабря 1994 г. Серия А, т. 303-C, стр. 57—58, п. 62—65).

23. На вопросы, по которым запрошено толкование, постановление Суда от 10 февраля 1995 г. дает совершенно определенный ответ. Иное толкование привело бы не к прояснению “смысла и значимости” данного постановления, а скорее к изменению его, причем по вопросу, по которому Суд принял “решение, имеющее обязательную силу” (см. вышеупомянутое постановление по делу *Рингейзена*, стр. 8, п. 13).

Следовательно, в соответствии со статьей 57 Регламента Суда А оснований для толкования нет.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* восемью голосами против одного, что он не правомочен отвечать на первый вопрос, поставленный Комиссией и, следовательно, отклоняет запрос о толковании по этому пункту;

2. *Постановил* единогласно, что нет необходимости отвечать на второй и третий вопросы, заданные Комиссией, и, следовательно, отклоняет запрос о толковании по этим пунктам.

Совершено на французском и английском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 7 августа 1996 г.

Герберт Петцольд Рольф Риссдал

Секретарь Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему постановлению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

Я голосовал вместе с большинством, имея в виду, в частности, что Суду надлежало отвечать на вопросы в таком виде, в каком они были поставлены Комиссией. Речь шла не о запросе о толковании общего и абстрактного характера, который может исходить от Комитета министров в соответствии с Протоколом № 2 к Конвенции и мог бы касаться специфики возмещения морального вреда на основании статьи 50 Конвенции.

Суд отклонил аргументы Правительства о том, что Суд не правомочен отвечать на поставленный ему вопрос, а также аргумент о том, что Суд не вправе высказываться по вопросу о том, возможен или невозможен арест.

Суд справедливо отмечает, что при рассмотрении запроса о толковании он вправе пользоваться имплицитными полномочиями, а при необходимости — разъяснять свое решение с точки зрения статьи 50 Конвенции.

Жалобы заявителя, связанные с процессуальной стороной исполнительных мер в той форме, в которой они осуществляются во Франции, все еще находятся в ведении внутренних судебных органов государства.

Следовательно, хотя Суд и отклонил сформулированные Комиссией вопросы, он рассматривал их исключительно как вопросы, задаваемые Комиссией на основании статьи 57 Регламента Суда А.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

1. По моему мнению, нам следовало бы дать положительный ответ на первый вопрос, поставленный Комиссией.

Конечно, этот вопрос может быть понят “как предложение дать общее и абстрактное толкование статьи 50”. Но это лишь только кажется. На самом деле Комиссия просила нас ответить ей *in concreto* и в связи с конкретным делом г-на Аллене де Рибемона, должно ли “справедливое возмещение”, по постановлению от 10 февраля 1995 г., “выплачиваться [ему] лично и не подлежать аресту”.

В любом случае не следует забывать, что, во-первых, вопросы “толкования и применения” статьи 50 Конвенции относятся к компетенции Суда в той же степени, что и вопросы, связанные с другими ее статьями, а во-вторых, что очень часто в констатирующей части наших решений мы употребляем формулировки, говорящие об “общем и абстрактном” смысле, придаваемом статьям, прежде чем применять их к конкретным случаям.

Следует особо напомнить, что в своем решении от 10 февраля Суд объявил себя неправомочным дать французскому государству предписание “гарантировать” заявителю, что “никакие требования по исполнению решения, вынесенного Судом высшей инстанции Парижа 14 марта 1979 г., исполняться не будут”. Это совсем не означает, что Суд тем самым решает проблему, поставленную Комиссией в ее первом вопросе, в плане передачи дела на усмотрение “национальных органов, действующих в соответствии с национальным законодательством”.

Подобное решение никак не соответствует духу Конвенции.

С одной стороны, трудно согласиться с тем, что решение о “справедливом возмещении” заявителю на основании статьи 50 может исполняться по-разному в зависимости от различий в национальных законодательствах.

С другой стороны, столь же неприемлема ситуация, когда право на возмещение ущерба, являющегося санкцией за нарушение признаваемых Конвенцией основных прав, сводится на нет обычным обязательственным требованием, основанным на внутреннем законодательстве. Это особенно нетерпимо в данном случае, когда предъявленное заявителю его долговое обязательство связано, по крайней мере частично, с нарушением его прав.

Следовательно, мы должны были заявить, как это уже делали наши предшественники, отвечая на аналогичный запрос в связи с делом *Рингейзена*, что возмещение должно выплачиваться заявителю “лично и не подлежать конфискации”.

2. Что касается двух других вопросов, поставленных Комиссией, я разделяю мнение остальных членов Палаты.